

© 2012 г. Р.Ф. КАСАТКИНА

РУССКИЙ ЯЗЫК ИЩЕТ АРТИКЛЬ

В русском языке и его диалектах на дискурсивном уровне происходит апробация разных лексических и просодических средств для выражения категории определенности / неопределенности. На лексическом уровне в роли определенного артикля наиболее часто выступает указательное местоимение *этот*. В этом отношении русский литературный язык и большинство русских говоров типологически противопоставлены юго-западным русским говорам и украинскому языку, где в той же роли используется указательное местоимение *той*.

Данные, полученные в последнее время, свидетельствуют о том, что и в русском литературном дискурсе наблюдаются случаи вытеснения местоимения *этот* в роли определенного артикля местоимением *той*.

В русском литературном языке категория определенности / неопределенности реализуется преимущественно различными «нсартikkelевыми» средствами – лексическими (прилагательными с семантикой «тот самый», в некоторых случаях имеющими пейоративную окраску, некоторыми местоимениями и частицами, числительным *один*). В устной речи обсуждаемая категория может реализоваться с помощью акцентно-просодических средств, см. [Николаева 1979].

Так, например, в устной русской речи одним из способов выражения определенности субъекта служит акцентное выделение (проминентность, фокусирование) тех или иных участков текста. Фокусирование ремы в русском языке соответствует определенному артиклю в тех языках, где эта категория имеется. И наоборот: акцентное выделение темы соответствует неопределенному артиклю. Ср., например, два устных высказывания, различающихся размещением тонального акцента: *Студентка пришлѐ* и *Студѐнтка пришла*¹. В первом случае акцентное выделение ремы *пришла* сообщает о том, что известный ожидаемый персонаж прибыл. В «артиклевых» языках соответствующая лексема сопровождалась бы определенным артиклем (*the, la, die...*). Во втором случае акцентирована тема -- *студентка*, и тем самым сообщается, что пришла *некая, какая-то, одна* (*a, une, eine...*) студентка. Здесь мы сталкиваемся с некоторым лингвистическим парадоксом: тональной проминентностью маркируется неопределенное, в то время как определенное остается безакцентным.

В качестве определенного квазиартикля обычно используются прилагательные со значением «тот самый»: *пресловутый, нашумевший, небезызвестный, хваленый*, а также *знаменитый* и *известный*, получающие в такой ситуации пейоративную окраску, ср. примеры²: *Вода подо мной, такая черная, еще чернее, чернее черного, и от этого, что ли, такая маленькая, как люк, как пресловутый квадрат Малевича, про который я еще ничего не знаю* (А. Битов. Дscha вю); *Пресловутый сосновый бор вокруг Грюнвальдского озера мы посещали редко* (В. Набоков. Другие берега); *В это время появился нашумевший сборник «Вехи»* (Н. Бердяев. Автобиография); *Так все женятся, так и я женился, и начался хваленый медовый месяц* (Л. Толстой. Крейцеров соната); *Небе-*

¹ Знаком “ над ударным гласным обозначается фразовый акцент.

² Примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

зызвестный закон Мерфи гласит... (Б. Мурадов. Трагикомическая одиссея); «**Дышите глубже, вы взволнованы**», – советовал своим друзьям **небезызвестный Остап Бендер** (В. Леви. Искусство быть собой).

Я стал его рассматривать, и что же? – мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом – число того дня, когда она подняла **знаменитый стакан** (М. Лермонтов. Княжна Мери); **Знаменитый** мольеровский герой не знал, что говорит прозой (Г. Горин. Иронические мемуары); Утром следующего дня пошли на **знаменитый Привоз** (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); **Закон штата Калифорния похож на знаменитый закон американской торговли: Pedestrian is always right (Пешеход всегда прав)** (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); **Вы знаете знаменитый вопрос, который задали Макс Планку, создателю теории квантов: «Каким образом вы убедили людей в том, что кванты существуют?»** (Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке).

Оставалось очень немного наследства, именно пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, <...> и уже **известный читателю капот** (Н. Гоголь. Шинель); **А как вы оттолкнете от воображения известный величаво-прекрасный образ?** (И. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете); **В Париже, например, каждый год в известный сезон являются на сцене Корнель, Расин, Мольер** (И. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене); **Чтобы знать сплетни, надо все-таки иметь к ним известный интерес** (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); **Это известный трюк: говори женщине, что она помолодела** (И. Грекова. Летом в городе); **Нашей энергии дается известное задание, известный ход – и вдруг это задание меняется** (Ю. Тынянов. Об основах жизни).

В названии пьесы Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» определение *тот самый* может быть заменено одним из членов синонимического ряда *пресловутый, знаменитый, известный, небезызвестный...*

Притяжательные местоимения *мой, наш*, вовлеченные в отношения дейксиса, см. [Виноградов 1990б: 228], также могут использоваться для выражения категории определенности, ср. примеры: *Так рассуждал – и начал мой певец: И песнью он зарю вечерню величает* (И. Крылов. Соловьи); *И слышу: кумушка моя С печи тихохонько слезает* (А. Пушкин. Гусар); *Не плачь, мой певец одинокой, Покуда кипит в тебе кровь* (А. Апухтин); *...наш герой, с своей стороны, почувствовав нечто вроде восторга, затопал ножонками, как будто желая таким образом аплодировать молодецкой пожарной работе* (Ф. Достоевский. Господин Прохарчин); *В суতোлке теней достиг наш герой проспекта Кунгестарте* (С. Довлатов. Иная жизнь); *Наш герой – честный человек по сути, но по форме он жулик* (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

Во всех этих случаях местоимения 1-го лица выражают не посессивность, а определенность, т. е. в каком-то смысле можно сказать, что они выступают в роли определенного артикля. Некоторая лакуна в системе языка – отсутствие грамматически полноправного определенного артикля – способствует использованию в этой функции притяжательных местоимений. В устной речи значение посессивности упомянутым местоимениям может быть возвращено с помощью их *а к ц е н т р о в а н и я*, ср. *мой певец, наш гербей*, где притяжательные местоимения, будучи безакцентными, выступают в роли артикля, и *мбей певец, нйш герой*, где эти местоимения, отмеченные тональным акцентом, используются в своем основном значении – посессивности.

Потенциально в функции определенного артикля могли бы выступать указательные местоимения *тот – тот*, находящиеся между собой в отношениях бинарной оппозиции дальний / ближний дейксис. Именно к действительным местоимениям генетически восходят определенные артикли в тех языках, где имеется грамматическая категория артиклей, см. [Виноградов 1990а: 46].

Раньше в нашей работе было показано, что в «безартиклевых» славянских языках, в том числе и в русском, возможно существование лексического выражения категории определенности / неопределенности на дограмматическом, дискурсивном уровне [Касаткина 2008]. В этих языках в роли определенного квазиартикля обычно выступают действительные местоимения, а в роли неопределенного артикля – числительное *один*.

В качестве рабочего термина для обозначения этих лексем нами был введен термин «предартикль»³ [Там же: 305].

В разных славянских языках представлены разные степени приближенности к артиклевому состоянию. Так, в украинском, польском, чешском, словацком языках и их диалектах употребление предартиклей на текстовом уровне высоко развито. В украинском языке в этой роли выступают местоимения *той, тая, тое...*, *отій, она, оно* [Богородицкий 1935: 116–117; Матвиев 1962: 109–111], в польском, словацком языках – *ten, ta, to*, в чешском языке – *ten, ta, to* и *tento, tato...*, *tenhle, tahle...* [Головачева 1979].

О ситуации в польском языке свидетельствуют многочисленные публикации, см., например [Boguslawski 1982; 1986; 1988; Topolińska 1976; 1981; Wierzbicka 1972] и др.⁴ В работах А. Богуславского приводятся результаты выявления соответствий между польским местоимением *ten*, английскими лексемами *this* и *the* и немецкими *dieser* и *der*. Сама возможность перевода польского *ten* как английского *the* или немецкого *der* имплицитно представляет «артиклевую» семантику обсуждаемого дейктического местоимения.

В фундаментальном исследовании, посвященном употреблению указательных местоимений в польских и русских текстах [Fontański 1986], автор на основании представительных статистических данных приходит к выводу о том, что в польских текстах анафорические указательные местоимения употребляются значительно чаще, чем в соответствующих русских текстах, однако функциональных различий между ними не обнаруживает [Там же: 250].

В текстах на украинском языке также частотны указательные местоимения. При этом в роли дискурсивного «предартикля» выступает местоимение *той, та, то* (дальний дейксис). Приведем несколько примеров из писем жительницы Києва⁵, иллюстрирующих дискурсивную функцию предартикля *той, то, та*: *Тільки печально, Валечка, що ти пережила таке лихо, я уявляю, як це страшно лягати на той холодний стіл, і підходять до тебе оті херурги з ножами, я це пережила два рази; Толя з тим хозяйством своем; Щоб він приїхав, узяв би ту кровать дерев'яну; Тепер Саша той хотів купити поросят; Одного дня вичистила від поросяти, везу ту тачку; Кидали каміннями, палищами и тою зброєю, хто чім міг, бідна та міліція⁶; А дітям тим більше не має можливості їздити.*

В русском языке в роли определенного артикля обычно употребляется местоимение, относящееся к ближайшему дейксису: *этот, эта, это, эти*. Ср. примеры: *Сейчас отдать я рада Всю эту ветошь маскарада, Весь этот блеск, и шум, и чад За полку книг, за дикий сад...; А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура, <...> Что в них? (А. Пушкин. Евгений Онегин); Ну, да и женился он по любви, а из этих из любовных свадеб ничего путного никогда не выходит, -- прибавила старушка (И. Тургенев. Дворянское гнездо); «Что за прелесть эта Наташа!» (Л. Толстой. Война и мир); И писать не о чем в письмах, жизнь истощилась, ничто не интересно в этой Ялте (А. Чехов. Письмо О.Л. Книппер); А один [рассказ] был о поездах, и в нем Мартын нашел все, что любил – телеграфные столбы, обрывающие взлет проводов, вагон-ресторан, эти бутылки минеральной воды, с любопытством глядящие в окно на пролетающие деревья, этих лакеев с сумасшедшими глазами, эту карликовую кухню, где потный повар в белом колпаке, шатаясь, панирует рыбу (В. Набоков. Подвиг); Так или иначе, эти вечные зеркала как символ вождельной роскоши и дурного вкуса и вечные эти долги стали приметой всей его [Бальзака] жизни (Б. Носик. Прогулки по Парижу. Правый берег); В этом городе сонном Вы вечно мечтали О балах, о пажках, вереницах карет... (А. Вертинский); Это сладкое слово «свобода»; Как они хороши, эти прохладные ночи и теплые солнечные дни августа!; Что за прелесть эти украинские народные песни!*

³ И.И. Ревзин использует для того же явления термин «местоимение-артикль» [Ревзин 1973: 122].

⁴ Автор благодарит д-ра С. Гжибовского за материалы о польском языке.

⁵ Материал писем на украинском языке был любезно предоставлен автору Еленой Стадник-Хольцер (Германия).

⁶ Из рассказа очевидца о событиях «оранжевой революции» в Киеве.

В приведенных фрагментах записей местоимение *этот*, не будучи связанным с каким-либо антецедентом, эксплицитно представленным в предшествующем тексте, выступает в функции, которая в других языках передается определенным артиклем. Во всех приведенных примерах местоимение *этот* лишено как анафорического, так и дейктического значения.

Многочисленные примеры использования этого дейктического местоимения в функции определенного артикля отмечены нами и в современной спонтанной речи, ср. например: *Дворник подметал метлой двор. Тогда еще были эти метлы, а не новомодные приспособления для уборки; Я показала паспорт. Он [милиционер] у меня списал эти паспортные данные и отошел; Ох, уж эти мне романтики!*

Заметим, что в первых двух примерах (*эти метлы, эти паспортные данные*) в устной реализации местоимение *эти* может быть либо артиклевым, либо указательным – в зависимости от акцентного оформления высказывания: при потенциально возможном акцентировании местоимения реализуется дейксис, при безакцентности – определенность. Можно сказать, что указательные местоимения, подобно рассмотренным выше посессивным, в своем основном значении (дейксиса) акцентогенны, в то время как в функции определенного артикля они безакцентны.

Впервые на существование артиклевой функции местоимения *этот* в русском литературном языке обратил внимание И.И. Ревзин, по словам которого в русском языке местоимение «...*этот* начинает употребляться в генерализующей функции, т. е. в значении, которое в ряде языков передается определенным членом и, как правило, только им. Все разнообразные проявления этого <...> значения можно объединить одним единым процессом: переходом из текста в систему языка, из синтагматики в парадигматику» [Ревзин 1973: 130].

И.И. Ревзин намечает несколько этапов в развитии процесса «артиклизации» указательного местоимения: первым этапом можно считать значение определенности, возникающее в связи с тем, что некоторое понятие предполагается всем предыдущим текстом. Вторым этапом является значение определенности, предполагающее некоторый другой текст, данному тексту предшествующий. «Третьим этапом является значение определенности, предполагающее не некоторый конкретный текст, а неопределенное множество текстов, устанавливающих одинаковую оценку соответствующих объектов говорящим и слушающим» [Там же: 127].

Такое же положение наблюдается и во многих региональных говорах русского языка, о чем свидетельствуют результаты анализа больших корпусов устных диалектных текстов. Анализ примеров, выбранных из диалектных записей, показал, что русское диалектное пространство в обсуждаемом отношении делится на два основных ареала: юго-западные говоры противостоят всему остальному русскому диалектному ареалу. В них в роли местоимения-артикля (предартикля) выступают лексемы *той, тая, тое...* или *тот-то, та-то, то-то* (дальний дейксис). В остальных русских говорах так же, как и в русском литературном языке, в этой функции используется местоимение *этот, эта, это, эти*, относящиеся к ближнему дейксису.

Примеры, выбранные из диалектных записей, свидетельствуют о том, что употребление в них местоимения-артикля соответствует разным этапам становления «артиклевого состояния» в соответствующем идиоме, нередко опережая в этом отношении систему литературного языка. Их распределение говорит о том, что многие русские диалектные системы, относящиеся к юго-западному ареалу, типологически сближаются с системой украинского языка. Эти идиомы объединены одной общей изоглоссой, начинающейся на территории юго-западных говоров русского языка.

Употребление местоимения *тот, та, то, те* в роли определенного артикля в литературном русском языке до настоящего времени отмечалось крайне редко. Однако единичные примеры такого рода находим в художественной литературе, например: *При счастье все дружатся с нами, При горе нет уж тех друзей* (П. Бсранже в переводе В. Курочкина). Согласно нашим наблюдениям, в текстах Н.В. Гоголя это местоимение встречается более часто, чем у других русских писателей. Такое употребление место-

именя *тот, та, то* может восприниматься русскими читателями как украинская черта. Ср., например, диалог двух крестьян в начале «Мертвых душ»: «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет *то* колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой (Н. Гоголь. Мертвые души). В этом случае, как и в других подобных, нормативным для русского языка было бы употребление местоимения *это*. Можно сказать, что появление в тексте Н.В. Гоголя местоимения *то* вместо *это* – это своего рода визитная карточка писателя, малороссиянина по происхождению, предъявленная читателю на первой же странице романа.

Указательные местоимения *тот, та, то, те* в русском литературном языке в норме могут употребляться в сочетании с определительными придаточными предложениями по моделям: *тот, который...*, *тот, кто...* и т. п., например: «Скажи, которая Татьяна?» – Да *та, которая* грустна И молчалива, как Светлана... (А. Пушкин. Евгений Онегин); Я *тот, кого* никто не любит... (М. Лермонтов. Демон).

Можно привести многочисленные примеры такого рода из современной спонтанной или квазиспонтанной речи (из радиопередач): Мы говорим о *тех* случаях, когда речь идет о бизнесе; Он должен оглядываться на *тех, от* кого зависит его судьба; *Те, кто* постарше, поедут в другом автобусе; *Те* причины, о *которых* было сказано выше, продолжают быть актуальными и сегодня. Множество подобных примеров можно привести из художественной литературы: По морской линии в предках у него был генерал Сенявин, *тот, который* кильватерную колонну выдумал (Д. Гранин. Зубр); Иногда приходил помогать *тот, который* встречал, целовал маме руки (И. Грекова. Перелом); Она всегда ухитрялась всучить тебе не *ту* книгу, *которую* ты сам хочешь взять, а *ту, которую* она хочет тебе дать (Ф. Искандер. Мученики сцены).

Наши наблюдения над спонтанной речью показывают, что в современном узусе становится возможным эллипсис придаточного предложения при местоимении *тот, та...*, например из радиопередач: Если вспомним *те* катастрофы, *то* иначе оценим итоги 2009 года; Решая все *те* задачи, мы будем продвигаться вперед; Здесь-*то* и заложены *те* требования; Я поддерживаю *те* последние шаги Иванова; Это и есть *тот* подлинный, живой народный танец; Это один из факторов, который затруднит *ту* интеграцию; В результате *тот* слой мелких собственников, торговцев, лавочников, он в общем не проголосовал за СПС, он не пришел на выборы; Все это примеры *той* коррумпированности, *той* бесконтрольности, и мы не должны с этим мириться; Вчера, в связи с *той* поднятой шумихой...; Это был год конца социалистической империи, во всяком случае в *той* восточной ее части; Это есть в *тех* немногих сохранившихся письмах его; Он видит в ней *ту* немыслимую глубину (из лекции Т. Касаткиной о Достоевском в проекте ТВ Academia). Можно также привести яркий пример из телевизионного интервью тренера по фигурному катанию Е. Чайковской: «Видишь, что у спортсмена нет *того* желания, нет *того* задора, и отказываешься с ним работать».

Эти и подобные им высказывания узуальны, они пока находятся за пределами нормы, однако фиксация подобных «речевых неправильностей» представляется делом необходимым, поскольку эти «неправильности» отражают некие скрытые процессы, которые со временем могут выйти на поверхность и привести к смене ряда современных норм. Ср. по этому поводу мнение Л.П. Крысина: «Устно-разговорная, спонтанная речь, <...> во многих случаях является показателем определенных точек роста в языковом развитии, в преодолении системных “запретов” и в обновлении языковой нормы» [Крысин 2010: 24].

В последнее десятилетие в речи молодежи отмечаются многочисленные случаи использования плеонастического *то* в таких конструкциях, как: Я думаю *то, что...*; Мне кажется *то, что...*; Он говорил *то, что* не сможет поехать с нами. Эти случаи гиперкорректного использования местоимения, с нашей точки зрения, связаны с возникшей неустойчивостью статуса местоимения *тот, то, та, те*, с формированием его новой – «артиклевой» функции.

Отмеченная возможность использования в роли предартикла местоимения *тот, та, то, те*, хотя и на дискурсивном уровне, до сих пор не привлекала внимания исследователей.

В русском литературном языке в некоторых случаях имеются также и лексически выраженные соответствия неопределенному артиклю. Так, например, функции местоимений *некий*, *некоторый*, *какой-то*, а также числительного *один* в отдельных дискурсивных ситуациях неотличимы от функций неопределенного артикля, ср. по этому поводу мнение Т.В. Цивьян: «Русский язык обладает формальными ресурсами, соответствующими неопределенному артиклю: лексемы *один*, *некоторый* в принципе достаточны для введения термина» [Цивьян 1979: 344].

Впервые на артиклевую роль числительного *один* в русском языке обратила внимание Т.М. Николаева [Николаева 1979].

Ср., например: *Жил да был один король, Где, когда – нам неизвестно (Догадаться сам изволь)* (П. Беранже в переводе В. Курочкина); *Один солдат на свете жил, Красивый и отважный...* (Б. Окуджава).

Большинство русских диалектов в этом отношении не представляют отличий от литературного языка. В таких высказываниях, как *Один раз пошла я в лес* или *На краю деревни жила одна старушка*, лексемы *один*, *одна* выступают в роли неопределенного артикля в говорах точно так же, как и в литературном языке. Однако в случаях длительного абсолютного контакта русских диалектов с артиклевыми языками значение неопределенного артикля за лексемой *один* может закрепиться и грамматически, т.е. стать обязательным⁷. Такая валоризация статуса неопределенного артикля произошла, например, в говорах липован (русских старообрядцев), проживающих в Румынии и Болгарии в течение длительного времени [Касаткин и др. 2004]. Среди наших магнитофонных записей речи липован имеются следующие примеры: *Он как один дохтур; Жила я как один мученик; И отдали ее в один монастырь; Господь дал ей как одну явление; Это один зверь, а не человек!; Не гони меня, как одну собаку; Вот я возьму один топор и ударю*. Примеры из записей речи так называемых турчан⁸ в штате Орегон (США): *А пускай подымут один палец, у кого турки кого обидели!; Я тут выкопал одну ямку; Нам один слуга надо*.

Подобные явления известны и в других славянских диалектах, находящихся в ситуации длительного абсолютного контакта с «артиклевыми» языками, например, на территории Италии, см. об этом [Вгеи 2003; 2008].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что русский язык находится в состоянии поиска артикля. Об этом свидетельствуют разные способы выражения категории определенности / неопределенности, сосуществующие в современном русском узусе.

1. Дейктическое местоимение *этот* в роли определенного «местоимения-артикля» используется на восточной территории славянского мира (в русском литературном языке и в диалектах восточной части Европейской территории России).

2. Дейктическое местоимение *тот* в роли определенного «местоимения-артикля» отмечается на компактной территории славянского мира (в юго-западных русских говорах и в украинском языке).

3. В русском языке (на дискурсивном уровне) наблюдается зарождающаяся тенденция к замене в указанной функции местоимения *этот* местоимением *тот*.

4. Для выражения категории определенности / неопределенности используются также просодические средства.

5. В некоторых диалектах русского языка, находящихся в длительном абсолютном контакте с «артиклевыми» языками, отмечается валоризация (грамматикализация) числительного *один* в функции неопределенного артикля.

⁷ См. об этом [Крамский 1963: 17].

⁸ *Турчане* – выходцы из Турции, старообрядцы южнорусского происхождения, ныне проживающие в североамериканском штате Орегон, см. [Morris 1991].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богородицкий 1935 – В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.
- Виноградов 1990а – В.А. Виноградов. Артикль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Виноградов 1990б – В.А. Виноградов. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Головачева 1979 – А.В. Головачева. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Касаткин и др. 2004 – Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, Т.Б. Юмсунова. Некоторые диалектные особенности языка лицован – русских старообрядцев Нижнего Дуная // *Zentrum und Peripherie in den slavischen und baltischen Sprachen und Literaturen: Festschrift zum 70. Geburtstag von J.P. Locher / R. Hodel (Hrsg.). Slavica Helvetica. Bd. 71. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 2004.*
- Касаткина 2008 – Р.Ф. Касаткина. Артикли, предартикли и псевдоартикли в славянских языках // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М., 2008.
- Крамский 1963 – И. Крамский. К проблеме артикля // ВЯ. 1963. № 4.
- Крысин 2010 – Л.П. Крысин. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык: Система – Норма – Узус. М., 2010.
- Матвиев 1962 – И.Г. Матвиев. Синтаксис займенників в українській мові. Київ, 1962.
- Николаева 1979 – Т.М. Николаева. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Ревзин 1973 – И.И. Ревзин. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Цивьян 1979 – Т.В. Цивьян. Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки (на материале албанской сказки) // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Boguslawski 1982 – A. Boguslawski. Semantic and pragmatic aspects of reference // *Selected problems. Linguistische Studien. Reihe A. 91/1. Berlin, 1982.*
- Boguslawski 1986 – A. Boguslawski. Know if and know that // *Linguistics. Festschrift for Jacob L. Mey. Odense, 1986.*
- Boguslawski 1988 – A. Boguslawski. To jest // *Rozprawy komisii językowej Łódzkiego towarzystwa naukowego. T. XXXIV. 1988.*
- Breu 2003 – W. Breu. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // H. Kusse (Hrsg.). *Slavistische Linguistik 2001. München, 2003.*
- Breu 2008 – W. Breu. Развитие систем артиклей в славянских микроязыках в абсолютном языковом контакте // *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008. München, 2008.*
- Fontański 1986 – H. Fontański. Anaforyczne przymiólniki wskazujące w języku polskim i rosyjskim: Problem użycia. Katowice, 1986.
- Morris 1991 – R. Morris. Old Russian ways: Cultural variations among three Russian groups in Oregon. New York, 1991.
- Topolińska 1976 – Z. Topolińska. Wyznaczoność (tj. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim // *Polonica II. 1976.*
- Topolińska 1981 – Z. Topolińska. Remarks on the Slavic noun phrase. Wrocław, 1981.
- Wierzbicka 1972 – A. Wierzbicka. Semantic primitives. Frankfurt am Main, 1972.

Сведения об авторе:

Розалия Францевна Касаткина
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
rolekas@yandex.ru